

Исход

Бытие перемещенное

*Герман Преображенский**

Всем тем, кто не смог уехать из ситуации войны посвящается!

Вся логика гостеприимства в действительности редуцирует новоприбывших к их бытию как мигрантов – номад – без того, чтобы хоть как-то поставить под вопрос систему диалектических отношений между личностью прибывающего и условиями, которые мотивируют его или её прибытие.
Антиномии миграции (Ален Бадью)

Поставить чемодан на весы, в результате – увидеть свою старую обувь. Усталость накатывает внезапно: то ли из-за жары, то ли из-за сухости воздуха, то ли от скопления людей. Постоянно натыкаешься на чье-либо присутствие. Незнакомые ткани, запахи. Иногда ты просто не понимаешь, как правильно держать дистанцию – уместно ли будет подойти поближе, уместно ли других держать на расстоянии. От нетерпения смыкаются зубы, ты начинаешь усиленно дышать, проглатываешь воздух, соленый от пота. А тут еще и бактерии, кишат, они в людях, ты не видишь границ, хочется повернуться спиной, но толпа не заканчивается.

* Герман Преображенский, философ, куратор. Преподавал в университетах Сибири, Санкт-Петербурга, Краснодара. Работал как арт-куратор и организатор с сибирскими художниками, сотрудничал с ГЦСИ, ГМИ им. Пушкина, проектом «Новая антропология», автор книг «Смысл коммунизма» (СПб, Алетейя, 2010); «Этика разделенного опыта» (СПб, Алетейя, 2012). В настоящее время живет в Тбилиси, Грузия, ведет образовательные проекты.

Бытие перемещённое: в дороге, на переходе, без оглядки. Когда мы отцепились от прежнего, неуместно стало оглядываться назад, стало легче, но многое травмирует, закидывая свои ловушки к нам из прошлого. Сожаление и бессильная злоба. К тому же, никто не виноват, в том, что стряслось. Никто из тех, кто рядом. Хочется высказаться, ты можешь высказаться теперь, но всё вроде бы уже высказано другими. Все возможные точки зрения уже обсуждены и перетранслированы. Стоит ли повторяться? В принципе, мне достаточно иметь возможность назвать свою страну агрессором, помнить про грубый дальний круг вещей – преступления, унижения, убийства и насилие. Главное не верить тем, кто говорит, что ничего не изменилось – продолжаем жить как раньше! Какой в этом смысл? Преступна сама постановка подобного мнения на конвейер. Но она очень удобна, для тех, кто на капитале, кто на недвижимости, кто на связях. Быть в стабильности, при власти – они жмутся к ней, как к спасительному согревающему костру¹. Остальные, 1,5% сброшены в номадизм, приключения вольные и невольные.

Главное, что мы для себя видим в ситуации, мы идем как по тонкому льду, это как серфинг: остановишься – провалишься. Тут нам нельзя полагаться на обстоятельства, траектория собирается нами, изо дня в день, а сил уже почти нет. Такой год: пандемия, смерть близких, война, «релокация». Четверти от этого уже хватило бы, но нет – как из перестоявшей квашни время этого 2022 года всё лезет и лезет через края. Год Тигра, почти что уже год без рая. Берега смещаются, карты сминаются – их не расправить. Конечно, мы «пересобираемся», склоняемся к знакомым и незнакомым в желании любви, в поддержке, в доверии. Есть ли, в свою очередь, и у этого край? Границы смещаются и перемещаются, мы отодвигаем их от себя, куда подальше. Мир вминается как нога в мокрый песок, след от него грязный, отекающий.

Война с другим всегда возникает как следствие его непохожести на меня. Следствие политики эталона при сборке человеческой субъективности и переноса по аналогии как базовой операции при сборке Другого². При сопоставлении другого с моей идентичностью, знакомой и понятной, возникает зона его непохожести на меня. Мое бытие, моя идентичность мыслится как уникальная, неповторимая, непрерываемая. Субъект описывает обычно по аналогии с вещью или предметом. У меня есть лицо, тело, внешность; у меня есть желания, предпочтения, суждения; у меня есть неповторимая

¹ Бибихин В. Лес (Hyle) – Лекция 1.

² Гуссерль Э. Картезианские размышления. V.

история и воспоминания, по которым я могу проследить свое существование, начиная с первых моментов – могу не спутать себя с другим. При всей изменчивости моих состояний, я всегда остаюсь самим собой. К этому добавляется уверенность следующего толка: мою историю знаю только я сам, монолог от первого лица, который никогда не прерывается – гипотеза сознания. При всех изменениях моего тела и странных, чуждых состояниях моей души – цветет убежденность в том, что именно я рассказываю самому себе эту историю, а для других сам являюсь свидетелем своей исповеди. Думаю, эта линия понятна без дополнительных пояснений.

Альтерация как подмена, бытие другого, отсчитанное от этой точки, будет моим самоудвоением, дубликатом моей самости, только лишь с неким добавлением X. Добавление, которое как определенный цвет или причудливая форма обозначает только одно: другой, он прежде всего, другой-Я плюс некое дополнение. Его «друговость» всё ещё отсчитывается от моей идентичности. Чтобы иметь возможность помыслить другого, я должен его списать с себя, но не должен допустить полного отождествления с собой, для того, чтобы сохранить свою неповторимость. В случае с такой конструкцией другого, я буду принимать его дружественно только до тех пор, пока допускаемое добавление X будет для меня понятным и приемлемым. Если же, добавление X, покажет себя как что-то пугающее, противное, непонятное – наступает неприятие, ксенофобия, отношение к другому как к врагу, и в конечном счете – желание уничтожить другого – война.

Все же источник войны расположен в начале цепочки – в конструкции идентичности другого субъекта списанной с Я, а идентичности Я, в свою очередь, списанной с предмета – их единства, самоидентичности, рефлексивности в описании себя и непрерывности автореферентного нарратива. Преодоление войны, таким образом, нужно отсчитывать от другой конструкции субъективности: где работают множественность, прерывность, разделенность, непредставимость. Здесь все уже узнают послевоенную метафизику субъекта: от Сартра и Левинаса до Деррида, Нанси и Батлер. Здесь я бы добавил еще Альтюссера с его интерпелляцией: субъект собирается при оклипании властью, как ответ на это окливание. Здесь важна не идеология, а способ сборки. Преодоление войны с другим в концептуальном поле закономерно состоялось после второй мировой войны как необходимое следствие осмысления её уроков.

В современном философском поле идентичность субъекта это уже более не презумпция, а опция располагающаяся *при*- его существовании, опция, которая может включаться, выключаться и переключаться (квир/перформатив), следовательно рассматривается всегда уже в кавычках и может

выноситься за скобки, благодаря определенным операциям, приемам или практикам. Эта опция идентичности может подключаться через сообщение с другим – назначается нам другими через коммуникацию или этическое, политическое действие, поддерживается и пульсировать через дискурс, действия власти. Может возникать через соотнесение с нечеловеческими агентностями, например, в работах современного искусства или нейросетях, в потоках медиа. Проноситься как отдельный музыкальный тон в хоре голосов, как остановка в смещении по спектру вариантов и шумов.

Есть только один мир?

Как будто бы выходя на время из этого фонового шума бытия, формулирует свою положительную концепцию ассимиляции для экспатов французский философ Ален Бадью. С помощью своего Тезиса №8 «Есть только один мир»³ он хочет опрокинуть традиционную политику ассимиляции для экспатов. Традиционную, данную по эталону, с подчинением бытия-перемещенного логике господства метрополии.

Что делать тем, кто волей обстоятельств, оказался перемещен в другую страну? Для вновь прибывшего остается две альтернативы: ассимилироваться или маргинализироваться. Но, по сути, приемлемая возможность только одна: если хочешь жить нормально на новом месте – нужно оставить в прошлом весь свой мир, полностью встроиться в новые условия и надеть на себя костюм стандартизированной «выстроенной по правилам» господствующей идентичности, базовой для этой страны. Назовем ее эталонной. Приехавший в Париж эмигрант должен исключить свою прежнюю идентичность и встроиться в новые жесткие правила. Эти правила предписывают: дресс-код, язык, обстоятельства встреч, музыку, пищевые привычки, распорядок дня. Чем быстрее вновь прибывший забудет о своих прежних отношениях – тем лучше. Тем быстрее он станет новым успешным членом общества. Успешным, но всегда «вторичным» копией базовой идентичности. Копия копии, поскольку «базовая идентичность» – это копия личности суверена.

При этом понятно, что ситуация в новой стране, в которую перемещаешься, тоже содержит множество альтернатив: ты можешь быть пекарем или шофёром, преподавателем или садовником, а еще быть в тысяче мест и видеть тысячи лиц. Реальность множественна, дело здесь в самой альтернативе – по сути дела для тебя прежнего здесь не остается места. Ты всегда меняешься, но став бытием-перемещенным, меняешься радиально. *Жест*

³ Бадью А. Обстоятельства 4.

ассимиляции – для экспатов это жест самоисключения. Мы отрубаем хвост по частям: ты постоянно должен цензурировать свои привычные жесты, манеру держаться и выражать себя, способ использовать одежду, язык и пищу. Твое *бытие перемещенное* означает сдвиг, ты проваливаешься по касательной в ледяную расщелину, образовавшуюся от провала – смещения тектонических пластов жизни. Перемещение, здесь не только и даже не столько по поверхности, ландшафтное, сколько скользящее и смещающееся на другой уровень – тектоническое. Какой выход и как избежать исключения? По версии Бадью, нужно пересобрать себя в новых обстоятельствах, со всеми своими опциями воссоздать себя на новом месте – собрать новую идентичность «марокканского рабочего, живущего в Париже», не исключая и цензурируя, а наращивая, наслаивая новые обстоятельства на свои навыки и понимание задач.

В основе такой попытки осмысления пересборки идентичности, как вы понимаете, лежит старая античная проблема: собственные и несобственные свойства субстанции⁴, атрибуты, в привязке к теме идентичности. Мы опознаем одного человека, его идентичность себе, как мы опознаем при восприятии одну и ту же вещь. Несмотря на состояния и ситуации, в которые вещь попадает, мы всегда должны знать, что это «та же самая» вещь. С этой онтологией, где идентичность подана как инвариант, как раз и работает Бадью, с помощью создаваемой им теории события. Работает, привлекая для этого теорию множеств. В ней, «сосчитанная за одну» идентичность, на онтологическом уровне все-таки представляет собой множество. Нам просто удобно «считать за одно» всё множество состояний, именуемых идентичностью, поскольку в речи и в повседневной человеческой коммуникации мы имеем дело с единичными и стабильными вещами. Тождество и различия – с этой классической парой понятий прямо связан его тезис №8.

Есть только один мир, в котором различие мыслится не через тождество, а через инаковость. Я не похожий на другого, именно поэтому я живу с ним в одном мире. Только через это можно преодолеть постоянную войну этих отдельных небольших миров. Приняв гипотезу единого мира, для всех людей, «мы можем утверждать право быть тем же самым, тождественным, поддерживать и укреплять свою идентичность»⁵.

1. Интеграция с этой стороны содержит «законы послушания и рабства». Есть эталонная идентичность. Стандарт, к которому нужно подстра-

⁴ Аристотель, *Метафизика*, кн. I

⁵ Бадью А. *Обстоятельства* 4. С. 84

иваться. Недостижимый идеал для вновь прибывших. Такую политику Бадью называет интеграцией по принципу ассимиляции.

2. Есть только один мир. Мир общий, в нем возможно множество инвариантов, базовых идентичностей нет. Мы принадлежим единому миру, не потому что похожи на базовую идентичность, а именно потому что сохраняем различия. Все это работает при общности экзистенциальных установок. Мы боремся за права, ценим ближних, хотим быть счастливы, заботимся о детях, ценим прекрасное, стремимся к будущему, в котором есть лучшее.

По мнению Бадью есть набор характеристик, который объединяет всех человеческих существ: желание быть услышанным, например.

Но не является ли это новым навязыванием идентичности по первой стандартной модели? То есть закладывая этот бэкграунд единого мира, не загоняем ли мы опять всех в одну идентичность?⁶ Где тот набор различий, который позволяет большому миру «есть только один мир», отличать от малого мира доминирующей идентичности «белого европейца среднего достатка»?

Поддерживать универсальное в идентичностях, как основная задача положительной ассимиляции, согласно Бадью, — вам это не кажется странным? Как, чёрт возьми, отграничить вариацию от инварианта, где проводить эту границу?

Второе возражение на тезис Бадью: А что, если нет этого единого мира, одного для всех? Если другой стал слишком другим, и не может разделить с нами некие «базовые экзистенциальные константы бытия»? Что если наш мир — это распавшееся единство, мир, периода полураспада. Где есть вина и война, есть границы и противостояния, есть желание исключить, желание вытеснить, поработить, истребить другого.

Нам надо узнать, как изобретается универсальное в ситуации, когда нет Единого мира? Ответ на такой вопрос мы ищем здесь через бытие-перемещенное, сошедшее с орбиты привычного движения.

Перечислю позиции. Идентичность субъекта связана с проблемой субстанции, она позволяет удерживать постоянство при всех обстоятельствах изменчивости. Обживать в новых обстоятельствах — это не просто сохранять свою идентичность в новых условиях (тезис эпохи Просвещения — выход №1) и не столь же архаичное — принять на себя новую идентичность (репрессивный тезис Либерализма — выход №2). Предложение Бадью — перенастраивать себя в новых условиях — связан с тем, что в изме-

⁶ Преображенский Г. Этика разделенного опыта. СПб.: Алетейя, 2013. С. 58.

няющихся обстоятельствах меняется и сама идентичность. Мы можем ее перенастраивать в новых условиях (выход №3), а не сопротивляться этим изменениям или отбрасывать свою прежнюю идентичность, как нечто несущественное (см. выше). Перенастройка собственной идентичности (выход №3) возможна на базе тезиса 8 – «Есть только один мир», все люди, независимо от стран и культур имеют некий «базовый уровень», экзистенциально общих ценностей. Поэтому, мы можем договариваться с другими людьми. Мир (из тезиса 8) заведомо больше и фундаментальнее, чем миры отдельных идентичностей, стран и культур – поэтому диалог возможен и поэтому возможна перенастройка идентичности (выход №3).

Моя критика этого положения состоит в том, что этот общий для всех мир, по сути, есть новое утверждение единой идентичности, возврат к выходу №1, с точки зрения философии экзистенциализма, базовых человеческих ценностей и онтологии события.

При этом, базовая посылка, о том, что все для всех людей на земле возможно найти некий базовый уровень ценностей, позволяющих им встречаться и находить общий язык друг с другом в общем-то не выдерживает критики (хотя бы потому что противоречит гипотезе Сепира-Уорфа против универсальной грамматики). Нет этого единого мира, нет универсальных ценностей, которые могли бы быть основой для встречи. Нет универсальных высказываний для «всех людей». Что же тогда делать? Возвращаться к войне всех против всех (выход №2) или же сохранению только собственного мира (выход №1). Наверняка возможны другие варианты для бытия перемещенных лиц, которое мы называем *бытием-перемещенным*.

Если верно, что обстоятельства влияют на пересборку первоначальной идентичности, то она для них проницаема и возможно реконструирование идентичности в новых условиях (тезис Бадью), но при этом нет Единого мира (тезис №8 уже не работает).

Построение мира в ситуации катастрофы

Война начинается с идентичности, которая соотносит другого с собой как с эталоном. Ситуация катастрофы, в которой мы сейчас оказались, имеет своей причиной именно доминирование классических решений в отношении этнической, социальной и политической определенности субъектов, который оказались и еще окажутся в нее замешаны. Я пока просто размышляю, чтобы не быть быстро замешанным в цементный раствор нового фундамента человеческого мира. Я стремлюсь найти быстрый, хоть и оперативный выход – без него раствор стынет, я стягиваюсь новыми обстоятельствами, теряю свободу, а следом и безопасность.

Исходя хотя бы из житейских обстоятельств, угадывается такой боковой обход (выход 2.2), как альтернатива этого «окончательного решения» вопроса, вопроса о другом – этот обходной маневр есть умение забывать о вине другого. Он рвет цепочку (идентичность, дельта X, вина, война) на стадии вины. Часто на такой форме забвения держатся длительные человеческие союзы: я могу удерживать инаковость другого и его виновность только некоторое время, затем я как бы забываю о его непохожести, но не снимая при этом своей идентичности как базовой, начинаю всё с чистого листа. Опять исследую «друговость» другого, опять проделываю путь от базовой идентичности до его вины, но к войне не перехожу, забываю, оставляю как есть, не успеваю перейти и теряю нить вражды. Это путь прощения и принятия, но все-таки еще построенный на классической модели (№1).

Еще одна позволительная иллюзия – действие по выстраиванию общего, когда общность с другим достигается через участие в общем деле (выход 3.2). Общее дело позволяет нам имея разные идентичности (сохранять их по модели выхода №1), при этом не руководствоваться сведением себя к какой-то базовой идентичности другого Господства (выход №2) – акцент смещается на общее дело в опоре на тезис 8 (выход №3). Труд, работа выстраиваются в разных моделях по-разному: в модели 1 это ремесленный труд, когда только мастер знает как правильно работать; в модели 2 это труд капиталистический, в которой работают все, кроме мастера, мастер лишь раздает «установки-задания» как у Тейлора и входящий в труд субъект принимает на себя модель базовой идентичности, нормированной управляющим. В модели №3 (в ситуации Единого мира), труд – это бруновское движение многообразных субъектов, скручивающихся в поток события истины при сохранении своих идентичностей, пересобирающих себя заново. Здесь субъект не смотрит только сам на себя (модель №1), не надзирает за другими (модель №2), но всё множество участников смотрят в одно еще не готовое место общей задачи, каждый видит ее по-своему, но они находятся в общем поле ценностей, поэтому выстраивают общее дело. Это модель Бадью.

Следовательно, если нам важно критиковать гипотезу Единого мира, нам нужно сообразить, как выстраивается общее дело без Единого мира. Модель №4, где есть разные миры, непроницаемые друг для друга, перенастраивающиеся под обстоятельства, руководимые возможностями множественного события истины⁷, но при этом не разделяющие друг с другом единого мира. В этом случае, моя собственная идентичность будет структу-

⁷ Бадью А. Этика. Очерк сознания зла.

рироваться обстоятельствами (кризис модели №1), действия другого будут для меня непрозрачны (кризис модели №2), и каждый из участников будет видеть на месте общего дела не то, что другой – он не сможет теперь объяснить другому параметры и условия общего дела (кризис модели №3).

Здесь общее дело – это не делание одного дела в одном месте и времени. Мы можем не быть физически или темпорально в одном месте, в одной ситуации, но делать общее дело: наблюдать сходные процедуры, сталкиваться с похожими непроходимостями, обрабатывать сложные симптомы. При этом нет никого, кто бы мог засвидетельствовать, что между этими практиками есть сходство. Нет карты, на которой бы они лежали в виде алфавита или в виде знакомого пейзажа. По сути, это такое броуновское движение частиц и векторов, только разворачивающееся в разных микровременах и в разных климатических зонах. Я не могу встретиться с этими другими, для того чтобы обсудить «общую экзистенциальную основу нашего существования». Общее – это катастрофа! Как только мы сближаемся вместе в одном времени и месте – возникает детонация, начинается интоксикация другим. Идет война, но мы ищем общности, высовываемся в окна встреч, гладим знакомых животных, рычим и умолкаем. Что есть закон в этом случае? Закон для бытия перемещенного. Они сталкиваются с законом, как с препятствием или как с удачей, используют его как трамплин в новой ситуации или тонут в нем, желая разобраться в его рациональности. Закон для них – это случай, перещёлкивание каретки, начало новой строки, даже если не успел закончить предыдущую. С законом не по пути, с ним только соприкосновение, он всегда другой, меняется, показываясь им с разных незнакомых сторон. Как новый язык, как приключение, как деепричастие. Сходное состояние чисто технически работает и со стороны диктующих закон институций – они регулируют поведение перемещенных, и сетуют на их ускользание, сползание по наклонной закона к удобству, к комфорту и спокойствию. Так норма реализуется для тех, для кого закон не оборачивается преступлением.

Действие субъектов в ситуации общего мира сосчитывается за одно, становится Единым, в то время как работа бытия-перемещенного в модели №4, всегда исключается из Единицы. Общее дело здесь непрозрачно ни для какой бы то ни было позиции, нет ни мастера, ни наблюдателя, ни друга. Наше действие всегда происходит со смещением относительно ситуации, которая может быть сосчитана за одно, относительно меня или другого субъекта, который может ее однозначно считать и относительно центра стратегий (пустотного центра телоса общего дела в модели №3).

Мы можем изобретать универсальное только если универсальное является опцией, а не презумпцией нашего совместного существования. Совместное в этом случае всегда виртуально. Универсальное нельзя положить как основу под действие наших несходств, оно не может быть ни единым миром, ни бэкграундом, ни идентичностью – может быть только вариацией, которая возникает, но может и пропасть, желаемой вариаций иллюзорно общего; чье бытие не гарантировано бытием мира. Сделать шаг туда, где «мы должны изобрести универсальность, например, как жест и цель нашего общего дела, она не может залегать как основа под деятельностью наших несходств».⁸ То, что дело будет общим, не может иметь аксиоматического определения до его начала. Общее дело, это не поле, где мы все встретились, это спираль, пружина, в которую вкручиваются элементарные частицы, устремляясь в разделяемый ими общий вихрь. Вихрь, в котором всегда есть разрывы и вектор которого никогда не считывается ими однозначно.

Важно, что если нет единого мира, то и катастрофа неминуема, нам не нужно сохранять единый мир, чтобы существовала общность. Бытие-перемещенное в ситуации катастрофы есть, таким образом, убитая общность, не живое, но мертвое прохождение сигнала. Нет всеобщей связи «всех людей», она атрофировалась или была разорвана. На место связи ничего не пришло, или точнее говоря пришла сама логика разрыва и смещения. Сдвиг, смещение, перемещение, непроходимость сигнала в ситуации распада общего мира. Мое действие реализуется всегда не в том месте и не по тому алгоритму, на который оно было рассчитано. Общими остаются – разрыв, смещение, импульс. Если можно здесь еще говорить об общности, хотя бы и виртуальной.

Пространства, в котором существует бытие перемещенное, его нигде нет в готовом виде. Оно калибруется из различных мест, пространств, воспоминаний, предостережений и надежд – всех тех, кто оказался на этом летающем острове миграции, который еще нигде и не приземлился. Земля горит и дрожит, нам негде опуститься на землю, чтобы пустить корни. Мы смотрим в прошлое, в слабеющем жесте ностальгии, теряем из виду тающий пейзаж удаляющегося дома. Почва под ногами плывет, мы забрасываем вперед спасительные нити планов: что мы будем делать, каков будет источник нашего существования, нас и наших близких? Настоящий момент, укорененность и обживание становящегося при этом оказывается потерянным – мы нигде, но мы где-то. Сообщества разобщены, но при этом есть желание найти своих, тех, кого разметало взрывом по площади небольших

⁸ Преображенский Г. М. Этика разделенного опыта. С. 60.

государств, тех, кто выжил в потоках излучений и перемещений. Мы заглядываем в лица прохожих, ища родства, оборачиваемся на оклик у себя за спиной, почти всякий раз признавая ошибку. Тебя не опознали, ты не узнаешь, но ищешь. Вопрос, что ты желаешь обнаружить в этом поисковом взгляде и в этом прислушивании к незнакомой среде? Бытие перемещенное пытается соединить ностальгию и надежду, но все-таки это не его территория. Оно проваливается в настоящее и зависает в воздухе идентификаций. Нужно улавливать не знаки и соответствия, а чувствовать места сгибов, бывшего когда-то целостным переживания.

Чувство, которое раньше привычно струилось, было прохладным и чистым, как отлив, как отсвет и прозрачность, сейчас перегнулось, выступили складки и перегибы, которые не распрямить. Они создают новый рисунок. Таксономия места для бытия перемещенного создается не через простраивание связей между утраченным и желаемым, а благодаря возникающим сгибам и изломам поперек. Каждое несоответствие, каждое препятствие, каждый надлом привычного действия, взгляда, события – это не остановка, а жест-вразрез, перегиб, от которого остается поперечный след. Из таких помутнений, встреч с затруднением, отваживаний от успеха и собирается скомканный лист новой топики перемещенного. Перемещение, стало быть, не только между контекстами, локациями, лицами – но и, прежде всего, перемещение между налаживанием связей, привычной попыткой восстановить прохождение сигнала и от этого шаг в коллекцию слов, перегибов, иногда даже шрамов – в коллекцию нераспрямляющихся до конца сминаний. Рисунок из рубцов – подлинное соприкосновение с ландшафтом, который ты еще не знаешь. Сминания возникают поверх – ткань воображения тормозит об архитектуры реального. Ложится поверх, образуя вздутия, помятости, неизвестное. Мне хочется от этого уйти в некий легкий шар своей мигрантской жизни – встречи в привычном, знакомые процедуры, делать то, что должен, ткать дальше свой ковер. Но так не получится. Некуда возвращаться, а здесь ты не знаешь еще, что понимать, так как ты не приземлился. Можешь действовать только на очень короткой дистанции, до следующего слома, но это действие правильное. Наталкиваться на препятствие, простирая ландшафт встреч дальше и дальше. Это не решение, не перспектива, не спасение – это бытие-перемещаемое бытия-перемещенного.

Я бы наладил новые связи, если бы мог, я бы даже устранился, чтобы дать дорогу новому, но так не сработает, новое не приходит, все только повтор повтора, прерыв темпоральности. Мы ведем обсуждения уже не из единого мира, мы пока вообще не знаем, где мир, у нас есть только смутное

желание мира. Где будут жить другие, сколько еще я сам проживу здесь и вообще, в этом мире? Смутное и скомканное ощущение полета, я не готов укореняться, но я открыт голосам и смело поднимаю лицо на окружающих, не прячу взгляда. Мое тело как агрегат, я пользуюсь им, я не в нем – оно прославляет местность, я говорю, но это не совсем слова для окружающих. Меня тормозят, мне улыбаются. Я не найду искренности, но я буду искать.

Литература:

1. Badiou, Alain. Being and Event. – New York: Continuum, 2007. – 528 p. – Translated by Oliver Feltham.
2. Badiou, Alain. Mathematics of the Transcendental: Onto-logy and being-there. - London: Bloomsbury Academic, 2014 – 296 p. – Edited, translated and with an introduction by A. J. Bartlett and Alex Ling.
3. Evans N., Levinson S.C. The myth of language universals: Language diversity and its importance for cognitive science // Behavioral and brain sciences. – 2009. V. 32.
4. Gaillot Michel, Le paysage comme forme politique. – текст для одноименной конференции – 2011г.
5. Nancy Jean-Luc, Paysage avec dйpayement, // Au fond des images, Paris, Galilйе, 2003.
6. Аристотель, Метафизика. Перевод с греческого П. Д. Первова и В. В. Розанова. - М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – 232 с
7. Бадью А. Манифест философии / Сост., пер. с франц. и послесловие В. Е. Лапицкого. — 2-е изд., испр. – СПб.: Machina, 2012. – 190 с.
8. Бадью А. Обстоятельства, 4: Что именуется именем Саркози? – СПб.: Академия исследования культуры, 2008.
9. Бадью Ален. Философия и событие. – Институт Общегуманитарных Исследований, 2013. – 192 стр. Перевод с французского Дмитрий Кралечкин.
10. Бадью Ален. Этика: Очерк о сознании Зла. - СПб.: Machina, 2006. – 126 с.
11. Бибахин В. Лес. – СПб.: Наука, 2011 – 425 с. – (Сер. «Слово о сущем»).
12. Борисов Е. Проблема интерсубъективности в феноменологии Э. Гуссерля // Философско-литературный журнал “Логос”. – 1999. – № 1 (11), С. 65-83.
13. Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. /пер. Л. Медведевой – Екатеринбург-Москва : Кабинетный ученый, 2015 — 196 с.
14. Преображенский Г. М. Этика разделенного опыта. – СПб., Алетейя, 2013, – 220 с.
15. Харман Г. Четверойкий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозов и О. Мышкин. — Пермь: Гиле Пресс, 2015. – 152 с